Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 105.
Eurasian advocacy. 2023;(3(62)):105.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 34.096
doi 10.52068/2304-9839_2023_62_3_105

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА, СВЯЗАННОГО С ПРАВОВЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

ОСТРОУШКО Александр Владимирович[1], БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна[2], ШАГИЕВА Розалина Васильевна[3]

[1]Кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49/2, Российская Федерация
[2]Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры частного права Государственного университета управления
109542, г. Москва, Рязанский пр., д. 99, Российская Федерация
[3]Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии
140015, г. Люберцы, Комсомольский пр., д. 4, Российская Федерация

Аннотация: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета. В статье исследованы различные определения термина «киберпространство» в юридической теории и практике. Выделены положительные и негативные характеристики различных подходов. Рассмотрена возможность использования на современном этапе понятия информационного пространства как идентичного исследуемой категории.

Ключевые слова: киберпространство, информационное пространство, дефиниция, проблемы, правовое регулирование, совершенствование

Для цитирования: Остроушко А.В., Букалерова Л.А., Шагиева Р.В. Совершенствование понятийного аппарата, связанного с правовым регулированием киберпространства // Евразийская адвокатура. 2023. № 3(62). С. 105. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_105

Actual problems of law science and practice

Original Article

IMPROVEMENT OF THE CONCEPT ASSOCIATED WITH THE LEGAL REGULATION OF CYBERSPACE

OSTROUSHKO Alexander Vladimirovich[1], BUKALEROVA Lyudmila Alexandrovna[2], SHAGIEVA Rosalina Vasilevna[3]

[1]Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky prospect, 49/2, Russian Federation
[2]Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Private Law of the State University of Management
109542, Moscow, Ryazan Ave., 99, Russian Federation
[3]Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Customs Academy
140015, Lyubertsy, Komsomolsky Prospekt, 4, Russian Federation

Abstract: The article explores various definitions of the term «cyberspace» in legal theory and practice. Positive and negative characteristics of various approaches are highlighted. The possibility of using the concept of information space at the present stage as identical to the category under study is considered.

Keywords: cyberspace, information space, definition, problems, legal regulation, improvement

For citation: Ostroushko A.V., Bukalerova L.A., Shagieva R.V. Improvement of the concept associated with the legal regulation of cyberspace = Eurasian advocacy. 2023;3(62):105. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_62_3_105

© Остроушко А.В., Букалерова Л.А., Шагиева Р.В., 2023

Цифровое пространство сегодня содержит много потенциальных угроз для глобальной безопасности, а также для суверенитета и национальных интересов отдельных стран. Это отмечал еще в 2021 году Президент РФ Владимир Путин. Цифровую среду используют международные террористы, организованная преступность, здесь много потенциальных угроз для общей глобальной безопасности и для отдельных стран, их суверенитета и национальных интересов. «Необходимо реформировать государственную политику в области международной информационной безопасности. XXI век по праву называют временем прорывного развития информационных технологий, они завоевывают буквально все сферы жизни: это новые системы связи, глобальных коммуникаций, так называемый интернет вещей, искусственный интеллект, электронные государственные услуги, цифровая медицина. Кардинальную трансформацию проходят традиционные сферы деятельности государства, общества, бизнеса, создаются принципиально новые возможности для экономики и рынка труда, для повышения качества жизни людей» [1].

В процессе повсеместного внедрения компьютеров во все сферы жизни, которое продолжается в течение многих лет, прослеживается тенденция заимствования терминологии, используемой в сфере функционирования цифровых технологий, что влияет на институты всех смежных отраслей. Так произошло с терминами «киберпространство», «кибербезопасность» и иными с приставкой «кибер». Применительно к тематике нашего исследования прослеживается множественное использование подобных терминов, в том числе в «документе стратегического планирования Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (киберугрозы, кибербезопасность, киберполигон, киберустойчивость и др.) при полном отсутствии легального определения таковых» [2, с. 54]. Опасность такого подхода в том, что «некорректное обращение с терминами порождает несогласованность определений и неопределенность в правоприменении и вынуждает заниматься зачастую их противоречивым и инвариантным толкованием» [3, с. 33]. Если обратиться к истории и этимологии термина, то считается, что он был заимствован из произведения писателя-фантаста У. Гибсона, который описал киберпространство как «консенсуальную галлюцинацию, которую трудно отличить от реальности и в которой компьютерные системы являются своего рода заменой реального мира, существующего только в памяти компьютеров и умах его пользователей» [4], или из более ранних комиксов, где под таким пространством понималась область вне какого-либо регулирования.

В российскую правовую сферу английское «cyber» было перенесено без учета того, что оно является не самостоятельным словом, а префиксом, то есть начальным элементом сложных английских слов, и на русский язык переводится как «связанный с компьютерами, информационными технологиями, Интернетом». Это значение прослеживается в официальном переводе названия Будапештской конвенции «The Convention on Cybercrime» (CETS No. 185) (2002) [5], которая была принята в 2001 году Советом Европы как Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации.

В настоящее время нет единого подхода к пониманию сущности киберпространства, как и его четкого определения. По данным американского эксперта Ф.Д. Крамера, «в зарубежной научной доктрине насчитывается порядка 28 определений киберпространства» [6]. Отечественные ученые также не имеют четко выработанного определения понятия «киберпространство».

По мнению Р.И. Вылкова, «киберпространство – это принципиально новый вид проективного пространства культуры, который соединяет знаковую реальность и современную технологию, облегчающую и существенно ускоряющую мыслительную деятельность людей» [7, с. 128]. Есть мнение, что данный термин «является самым оптимальным из всех существующих, а использование данного термина позволит в полной мере раскрыть природу явлений, происходящих в информационных сетях» [8].

Исследуя всю совокупность доктринальных определений понятия «киберпространство», можно сделать вывод, что они базируются на трех основных подходах. Согласно первому подходу, «понимание слова «киберпространство» дается через систему обычного метрического пространства, включая его в геополитический дискурс. Второй подход трактует киберпространство как пространство информационных взаимодействий, при этом понятие «киберпространство» используется как синоним понятия «информационное пространство», «информационное поле» и т. д.

Наконец, возможен третий подход – социальный, в котором киберпространство выражается совокупностью находящихся в информационных отношениях структур [9].

Мы не ставим цель проанализировать всю совокупность определений киберпространства, но позволим остановиться на наиболее значимых

из них, а также типичных, по нашему мнению, ошибках при разработке данной дефиниции и, используя эти данные, выразить свою позицию.

Мы не можем согласиться с позицией авторов, которые отрывают понятие киберпространства от действительности реального мира и подразумевают, что «это одна из множества форм виртуальной реальности» [9, с. 56], при этом виртуальная реальность – созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, осязание и другие; термин, давно устоявшийся в научном обиходе. Хочется заметить, что киберпространство создается и существует в пространстве действия современных информационных и цифровых технологий, но это «не иллюзорный, а вполне реальный мир, отличие которого от действительности состоит лишь в способе связи между субъектами – посредством широкого использования информационно-телекоммуникационных технологий, выходящих за рамки одного государства» [11]. Киберпространство – это социальная среда, где люди находятся в не менее тесном взаимодействии друг с другом, имеют те же права и обязанности, что и в действительности.

Позволим себе также не согласиться с позицией, когда под киберпространством понимается «искусственно созданная среда, существование которой ограничено информационно-телекоммуникационной сетью, пользователи которой могут свободно вступать в административные, гражданские, уголовные и другие правоотношения. Киберпространство может появиться в любой информационно-телекоммуникационной сети» [8]. По нашему мнению, тут происходит подмена понятий, и киберпространством называется то, что является виртуальной средой (пространством) чего-либо.

Не стоит обращаться при определении киберпространства к науке кибернетике, которая, несмотря на этимологическую схожесть терминов, изучает «общие закономерности процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе» [12].

В научной литературе киберпространство достаточно часто «ошибочно ассоциируется только с информационно-телекоммуникационной сетью Интернет» [13]. Или с более широким толкованием, согласно которому киберпространство есть «продукт функционирования любых информационно-коммуникационных технологий (в том числе и Интернета)» [14, с. 56]. Мы поддерживаем в данном случае позицию А.А. Данельян о том, что киберпространство – «это сочетание компьютеров, мобильных устройств и пользователей, которые вступают между собою во взаимодействие на расстоянии. Интернет, в свою очередь, используется для подключения этих компьютеров и мобильных устройств. Киберпространство шире Интернета, Интернет находится в киберпространстве» [13].

В современных условиях немного некорректно говорить о так называемом «цифровом киберпространстве» [15, с. 101], так как национальной целью является цифровая трансформация общественных отношений. Такие цифровые технологии давно и прочно заместили аналоговые технологии в сфере передачи информации. Однако считаем допустимым использовать формулировку «информационные и цифровые технологий» в киберпространстве, чтобы подчеркнуть их важность и уникальность на теоретическом уровне.

Довольно неоднозначной является позиция, в рамках которой проводится знак равенства между киберпространством и информационным пространством. Так, Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» ввел значительное количество новых терминов, таких как «облачные вычисления», «интернет вещи», в нем прослеживается автоматический перенос дефиниции «информационное пространство» на определение киберпространства [16].

Если рассматривать легальное определение информационного пространства, где под ним понимают совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры [17], то мы видим, что оно перекликается с определением киберпространства из модельного закона о киберпреступности Международного союза электросвязи: «физическое и нефизическое пространство, созданное и (или) сформированное следующим образом: компьютеры, компьютерные системы, сети, их компьютерные программы, компьютерные данные, данные контента, движение данных и пользователи» [18]. Киберпространство при современном уровне развития информационно-телекоммуникационных технологий – это основной доминирующий составной элемент информационного пространства [19]. Это позволяет нам сделать вывод о возможном тождестве данных двух определений при использовании термина в условиях отсутствия единой позиции и до момента, пока дефиниция кибер-

пространства не получит официального закрепления.

Определенный интерес может представлять определение киберпространства из проекта Концепции Стратегии кибербезопасности Российской Федерации: «сфера деятельности в информационном пространстве, образованная совокупностью коммуникационных каналов Интернета и других телекоммуникационных сетей, технологической инфраструктуры, обеспечивающей их функционирование, и любых форм осуществляемой посредством их использования человеческой активности (личности, организации, государства)» [20].

Однако не стоит забывать, что данное определение было разработано десятилетие назад, что при нынешнем развитии информационных технологий – довольно большой срок, связанный с развитием информационного общества, в отсутствие базовых определений, данных позднее в Доктрине информационной безопасности и Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации. Поэтому мы не можем принять его за основу для целей информационного и других отраслей права.

Рассматривая действующую правовую доктрину, мы можем констатировать, что в Российской Федерации нет нормативных правовых актов, определяющих понятие «киберпространство». Анализ базы Официального интернет-портала правовой информации показал упоминание о киберпространстве только в 13 подзаконных актах. Исследуя программные документы в области национальной безопасности (раздел «Информационная безопасность»), мы видим, что государственная политика ориентирована на развитие информационно-коммуникационных технологий и средств, формирующих информационное пространство, а также на обеспечение его безопасности.

Таким образом, мы делаем вывод, что мы будем руководствоваться гипотезой о равнозначности понятий информационного пространства и киберпространства. Аналогичный подход обозначен Советом при Президенте РФ по правам человека в Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации.

При этом следует учитывать, что киберпространство, возможно, – новая правовая категория, которая до настоящего времени не получила должного правового оформления на универсальном уровне. Формирование правовых подходов к понятию киберпространства и кибербезопасности – насущная задача, в том числе для юридической науки [21], которая в полной мере не поддержана законодателем. В связи с чем предлагаем государству в ближайшее время обозначить свою позицию по данному вопросу и закрепить в нормативном правовом акте необходимые определения.

В то же время расплывчатость и неопределенность определения киберпространства не должны приводить к ошибочному выводу о невозможности правового регулирования данной сферы.

Список источников

1. Дружинин А. Путин: В киберпространстве много угроз для глобальной безопасности и суверенитета стран [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/11006783?ysclid=lgtc7mida423452426.
2. Остроушко А.В. О необходимости совершенствования понятийного аппарата в сфере регулирования информационной инфраструктуры // Юридические исследования. 2022. № 9. С. 52–61.
3. Наумов В.Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации // Информационное право. 2018. № 1. С. 32–39.
4. Gibson, William (29 July 2003). Burning Chrome.
5. Convention on Cybercrime, 23.XI.2001 European Treaty Series. No. 185 Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf.
6. Киберпространство как стратегический инструмент социальной инженерии [Электронный ресурс]. URL: https://whatisgood.ru/theory/analytics/kiberprostranstvokak-strategicheskiy-instrument.
7. Вылков Р.И. Киберпространство как социокультурный феномен, продукт технологического творчества и проективная идея: дис. … канд. фил. наук. Екатеринбург, 2009. С. 128, 129.
8. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016.
9. Дзялошинский И. Права человека в киберпространстве // Право знать: история, теория, практика. 2003. № 11–12 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dzyalosh.ru/02- dostup/pravo/2003_83_84%2811_12%29/dz_ 11_12.html.
10. Барышев Р.А. Киберпространство и проблема отчуждения: дис. … канд. фил. наук. Красноярск, 2009. С. 56.
11. Панкратова М.Е., Васильева А.А. Ограничения прав человека в киберпространстве: конституционно-правовые аспекты // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. № 2. Т. 1.
12. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; под ред. Г.Н. Поварова. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983.
13. Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. № 1.

14. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политика. 2018. Т. 24. № 1. С. 58.

15. Карцхия А.А. Гражданский оборот и цифровые технологии: монография. М.: Филинъ, 2019. С. 101.

16. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022.

17. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

18. ITU Toolkit For Cybercrime Legislation. ITU, 2009.

19. Ковригин Д.Э. Границы государственного суверенитета национального сегмента киберпространства // Власть. 2023. Т. 31. № 1. С. 124–129.

20. Концепция Стратегии кибербезопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf.

21. Киберпространство БРИКС: правовое измерение: монография / И.И. Шувалов, Т.Я. Хабриева, Фэн Цзинжу и др.; отв. ред.: Дэн Руйпин, Т.Я. Хабриева; сост.: Жун Фу, Н.М. Бевеликова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017.

References

1. Druzhinin A. Putin: V kiberprostranstve mnogo ugroz dlya global`noj bezopasnosti i suvereniteta stran [E`lektronny`j resurs]. URL: https://tass.ru/politika/11006783?ysclid=lgtc7mida423452426.

2. Ostroushko A.V. O neobxodimosti sovershenstvovaniya ponyatijnogo apparata v sfere regulirovaniya informacionnoj infrastruktury` // Yuridicheskie issledovaniya. 2022. № 9. S. 52–61.

3. Naumov V.B. Negativny`e zakonomernosti formirovaniya ponyatijnogo apparata v sfere regulirovaniya Interneta i identifikacii // Informacionnoe pravo. 2018. № 1. S. 32–39.

4. Gibson, William (29 July 2003). Burning Chrome.

5. Convention on Cybercrime, 23.XI.2001 European Treaty Series. No. 185 Council of Europe [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf.

6. Kiberprostranstvo kak strategicheskij instrument social`noj inzhenerii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://whatisgood.ru/theory/analytics/kiberprostranstvokak-strategicheskiy-instrument.

7. Vy`lkov R.I. Kiberprostranstvo kak sociokul`turny`j fenomen, produkt texnologicheskogo tvorchestva i proektivnaya ideya: dis. … kand. fil. nauk. Ekaterinburg, 2009. S. 128, 129.

8. Prostoserdov M.A. E`konomicheskie prestupleniya, sovershaemy`e v kiberprostranstve, i mery` protivodejstviya im: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2016.

9. Dzyaloshinskij I. Prava cheloveka v kiberprostranstve // Pravo znat`: istoriya, teoriya, praktika. 2003. № 11–12 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2003_83_84%2811_12%29/dz_ 11_12.html.

10. Bary`shev R.A. Kiberprostranstvo i problema otchuzhdeniya: dis. … kand. fil. nauk. Krasnoyarsk, 2009. S. 56.

11. Pankratova M.E., Vasil`eva A.A. Ogranicheniya prav cheloveka v kiberprostranstve: konstitucionno-pravovy`e aspekty` // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishheva. 2021. № 2. T. 1.

12. Viner N. Kibernetika, ili Upravlenie i svyaz` v zhivotnom i mashine / per. s angl. I.V. Solov`eva i G.N. Povarova; pod red. G.N. Povarova. 2-e izd. M.: Nauka; Glavnaya redakciya izdanij dlya zarubezhny`x stran, 1983.

13. Danel`yan A.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie kiberprostranstva // Obrazovanie i pravo. 2020. № 1.

14. Dobrinskaya D.E. Kiberprostranstvo: territoriya sovremennoj zhizni // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politika. 2018. T. 24. № 1. S. 58.

15. Karczxiya A.A. Grazhdanskij oborot i cifrovy`e texnologii: monografiya. M.: Filin``, 2019. S. 101.

16. Aktual`ny`e problemy` e`ffektivnosti chastnogo prava: monografiya / otv. red. A.N. Levushkin, E`.X. Nady`seva. M.: Yusticinform, 2022.

17. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody`».

18. ITU Toolkit For Cybercrime Legislation. ITU, 2009.

19. Kovrigin D.E`. Granicy gosudarstvennogo suvereniteta nacional`nogo segmenta kiberprostranstva // Vlast`. 2023. T. 31. № 1. S. 124–129.

20. Koncepciya Strategii kiberbezopasnosti Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf.

21. Kiberprostranstvo BRIKS: pravovoe izmerenie: monografiya / I.I. Shuvalov, T.Ya. Xabrieva, Fe`n Czzinzhu i dr.; otv. red.: De`n Rujpin, T.Ya. Xabrieva; sost.: Zhun Fu, N.M. Bevelikova. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii, 2017.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования 06.05.2023; принята к публикации 06.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 06.05.2023; accepted for publication 06.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.